

Urban-Podolan, Aleksandra

Отношение к смерти, ее восприятие и предсмертное состояние человека: языковые средства их реализации в повести Валентина Распутина Прощание с Матерой

Opera Slavica. 2015, vol. 25, iss. 1, pp. 30-38

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/133932>

Access Date: 29. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Александра УРБАН-ПОДОЛАН

Отношение к смерти, ее восприятие и предсмертное состояние человека: языковые средства их реализации в повести Валентина Распутина *Прощание с Матерой*

Целью данной работы ставится выявление и анализ тех выразительных средств — собственно фразеологизмов, пословиц, поговорок и других лексико-стилистических средств, — которые формируют языковой образ смерти в повести В. Распутина *Прощание с Матерой*. Из широкого круга вопросов, связанных с данной тематикой, в статье уделяется внимание двум условно выделенным тематическим группам, т. е. отношению к смерти распутинских героев и предсмертному состоянию человека.

Ключевые слова: Валентин Распутин; смерть; фразеология; паремиология

Attitude to Death, Perception of Death, and Man's Preagonal Condition — their Expression through Literary Tropes in Valentin Rasputin's Short Story *Farewell to Matyora*

This article's purpose is to analyse the fixed phrases, proverbs, saws, and other lexical and stylistic tropes creating the literary picture of death in V. Rasputin's *Farewell to Matyora*. Of the wide range of issues concerning death the focus here is on its two aspects: perception of death by the protagonists and their reflections upon its inevitability and nearness.

Key words: Valentin Rasputin; death; phraseology; sayings

Языковой образ смерти в прозе Валентина Распутина (1937 г. р.) представляет собой весьма интересный исследовательский материал. Используя словесное богатство русской деревни, писатель вводит в свои произведения значительное количество народных пословиц и поговорок, фразеологизмов, а также других выразительных средств языка, которые помогают его героям постигать и осмысливать иногда сложные процессы и явления окружающей действительности, следуя народным представлениям, а затем отражать их в языковом плане.

Целью данной работы ставится выявление и анализ тех выразительных средств — собственно фразеологизмов, пословиц, поговорок и других лексико-стилистических средств, — которые формируют языковой образ смерти

в повести В. Распутина *Прощание с Матерой*. В целом, понятийное поле «смерть» можно условно подразделить на следующие тематические группы: 1) отношение к смерти, ее восприятие; 2) предсмертное состояние человека (как ощущается и воспринимается близость и неизбежность смерти); 3) процесс и момент ухода из жизни, сама смерть (образ и действия смерти, причинение смерти, преждевременная и насильственная смерть); 4) похороны и загробная жизнь; 5) переносное употребление лексем «смерть», «умереть/умирать» (и синонимичных), а также словосочетаний с компонентами «смерть» и «умереть/умирать», используемых для характеристики качеств героев или их физического и эмоционального состояния. Однако, ввиду ограниченных рамок настоящей статьи в анализируемом материале мы сосредоточим свое внимание лишь двух первых из вышеназванных групп и языковых средствах их реализации в повести Валентина Распутина *Прощание с Матерой*, действие которой происходит в период, непосредственно предшествующий затоплению острова Матера и расположенной на нем одноименной деревни в связи со строительством ГЭС. Читатель знакомится с героями, в основном деревенскими старушками, в момент, когда начинается очистка территории острова и переселение его жителей в новопостроенный поселок.

Узнавшие о плане затопления Матеры ее старожилы собираются у Дарьи, чтобы вместе пережить общее горе и поддержать друг друга перед грядущим «светопреставлением», как определяют они происходящее: «В том особенном положении, в каком оказалась Матера, Дарья ничем не могла помочь старухам, но они шли к ней, собираясь вместе, чтобы рядом с Дарьей и себя почувствовать тоже смелей и надежней. Известно же, что на миру и смерть красна, а предложи им кто смерть всем в одночасье, друг возле друга, едва ли хоть одна отошла бы задуматься — с последней радостью они бы согласились» (146)¹. Значит, не самой смерти боятся материнские старухи, а скорее того, что умирать им придется в чужой земле, среди чужих людей или вообще в одиночестве. В процитированном фрагменте содержится старая русская пословица, определяющая отношение к смерти, свойственное и героиням Распутина: «На миру (на людях, с людьми) и смерть красна», толкование которой «Когда человек не один, все можно пережить, даже умереть не страшно» (СРПиП)². Отсюда их внутреннее молчаливое согласие на быструю

¹ Все цитаты по изданию: RASPUTIN, V.: *V poiskach berega. Povesti, rasskazy, stat'ji*. Moskva 2008 (с указанием страницы).

² В статье приняты следующие сокращения: РФ — JARANČEV, R. I.: *Russkaja frazeologija. Slovar'-spravočnik*. Moskva 1997; СРПиП — ŽUKOV, V. P.: *Slovar' russkich poslovic i pogovorok*. 6-e izdanije. Moskva 1998; СФСРЯ — *Slovar' frazeologičeskich sinonimov russkogo jazyka*. Pod red. V. P. Žukova, Moskva 1987; ФСРЯ — *Frazeologičeskij slovar' russkogo jazyka*. Pod red. A. I. Molotkova, Moskva 1978; БТС — *Bol'soj tolkovyj slovar' russkogo jazyka*. Gl. red. S. A. Kuznecov, Sankt-Peterburg 2004; ТСРЯ — OŽEGOV, S. I., ŠVEDOVA, N. Ju.: *Tolkovij slovar' russkogo jazyka*. Moskva 1998; CCT — TRIŠIN, V. N.: *Slovar' sinonimov*. ASIS 2013. http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims; КСБФ —

и одномоментную смерть в Матере, выраженное словосочетанием «смерть в одночасье», созданным посредством расширения фразеологизма «в одночасье», т. е. ,в очень короткий промежуток времени; сразу' (БТС). При этом страх женщин перед неизвестным будущим, которое ждет их после затопления деревни, контрастирует с их представлениями о погребально-поминальной практике, соблюдаемой материнцами: «Тут все знакомо, обжито, проторено, тут даже смерть среди своих виделась собственными глазами ясно и просто — как оплачут, куда отнесут, с кем рядом положат, там — полная тьма что на этом, что на том свете» (131)». В данном случае словосочетание «смерть среди своих» перекликается с упомянутой выше поговоркой «На миру (с людьми) и смерть красна». В свою очередь, чувство неопределенности усиливается за счет сопоставления мира земного и загробного («этот свет», «тот свет» — ФСРЯ) и лексемы «тьма» в значении ,что-л. неведомое, неизвестное'.

Забота о достойной христианина смерти и захоронении звучит в речах многих героинь повести. На мрачное пророчество Симы: «И потопят» и на ответ Дарьи: «Пущай. Однова смерть — че ишо бояться?!», Наталья возражает: «Ой, да ить неохота утопленной быть [...]. Грех, поди-ка. Пускай лучше в землю укладут. Всю рать до нас укладали, и нас туды (105)». В высказывании Натальи ярко звучит преисполненное боязнью отношение русского народа к т. н. «заложным покойникам», т. е. умершим неестественной смертью (в их числе — утопленники) и, следовательно, непогребенным согласно православной традиции. Единственным достойным христианина способом погребения она считает захоронение в земле, а пожелание «Пускай лучше в землю укладут» является трансформацией фразеологизма «уложить в гроб (могилу)» (СФСРЯ), который в данном случае наполняется значением ,захоронить'. В свою очередь, реплику Дарьи «Однова смерть — че ишо бояться?!», соотносящуюся с фразеологизмом «один конец» — ,все равно, пусть будет так; ладно уж (о чем-л. неотвратимом, неизбежном, преимущественно о смерти)' (ФСРЯ), нельзя толковать, по нашему мнению, в качестве ее убеждений, а скорее следует воспринимать как признание героиней безнадёжности ситуации, а также бессилия и смирения с предстоящей гибелью деревни, которую она не в состоянии предотвратить.

Дарья, следовавшая на протяжении всей своей жизни обычаям и традициям, заведенным в давние времена, не боялась смерти. Как праведная христианка ожидала ее кротко и без тревоги в сердце. Теперь, однако, осознает, что на ее долю выпали эпохальные изменения, которые положат конец существующему в Матере порядку жизни. Чувство вины перед усопшими пред-

---

KOČEDYKOV, L. G., ŽIL'COVA, L. V.: *Kratkij slovar' biblejskich frazeologizmov*. <http://www.bible-center.ru/ru/dict/phrases> [дата обращения: 30.09.2014].

ками, за которых она не сумела постоять и чьи могилы должны остаться в лоне водохранилища, лишает ее душевного спокойствия: «Не помереть мне в спокое, что я от вас отказалась, что это на моем, не на чьем веку отрубят наш род и унесет» (225) — кается, не надеясь на прощение, Дарья на кладбище. Выражение «помереть в покое» в данном случае близко по смыслу фразеологическим оборотам «со спокойной совестью», т. е. ,будучи совершенно уверенным в своей правоте, совершенно спокойно» (ФСРЯ) и «с чистой совестью» — ,ничем не терзаясь, не испытывая угрызений» (ФСРЯ). Необратимость происходящих перемен выражена, в свою очередь, в авторском словосочетании «отрубят наш род», подразумевающим — за счет глаголов «отрубить» и «унести» — окончательный и бесповоротный разрыв связей с прошлым.

Готовящуюся к переезду и пытающуюся представить себе жизнь на новом месте старушку начинают волновать и вопросы поселочного строительства, в частности, опасности, подстерегающие в нем стариков. Услышав о крутых лестницах, по которым надо будет подниматься в новых домах поселка, Дарья боясь случайной смерти при падении с них, «[...] сразу решила, что, если доведется ей жить в таком доме, наверх подыматься, смерть свою искать она не станет» (128). Словосочетание «смерть свою искать» являет собой библейскую аллюзию³, а по смыслу соотносится с фразеологизмом «найти конец (кончину, смерть, могилу)» со значением ,умереть, погибнуть, быть убитым» (ФСРЯ).

Завершая рассуждения об отношении к смерти героев *Прощания с Матерью*, хотелось бы отметить еще одну характерную деталь. В разговоре с Катериной Дарья злобно-насмешливо пресекает сетования собеседницы о неблагогодарности детей по отношению к состарившимся родителям коротким предписанием: «А не доживай до эдакой старости [...]. Знай свой срок [...] Человек должен жить, покуль польза от него есть» (161). Выражение «знать свой срок» представляет собой окказионально преобразованную фразеологическую единицу «знать свое место» — ,поступать, действовать соответственно своему положению» (ФСРЯ), и перекликается с поговоркой «Знай край, да не падай» — ,Знай меру, не переходи границ дозволенного» (СРПиП), и вместе с последующим за ним авторским афоризмом приобретает в данной ситуации горько-саркастический тон, так как раскрывает печальную правду о том, что престарелые родители зачастую становятся балластом для молодых. В этом суждении есть и доля истины, поскольку Дарья по собственному опыту знает, насколько тяжело давался ей уход за больной свекровью перед ее кончиной: «Живые... им жить надо, а не смерть в доме держать, горшки

³ Ср. Откровение святого Иоанна Богослова гл. 9, 6: «В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них».

с-под ее таскать. Я потаскала, знаю» (162). В данном случае слово «смерть» — дисфемизм, обозначающий тяжелобольного, умирающего человека, употребленный в данном случае для повышения эмоциональности речи. Финальное замечание Дарьи о том, что «старость запускать нельзя» (162) вызывает недоумение и возмущение Катерины: «Дак че — удавку, че ли, на шею?» (162). Ответное молчание Дарьи свидетельствует о том, что все сказанное ею ранее, порой похожее на богохульство, следует скорее отнести на счет защитной эмоциональной реакции вследствие чувства обреченности, бессилия и усталости, поскольку героиня хорошо осознает, что праведный христианин не имеет права покушаться на жизнь и распорядиться смертью.

Перед лицом грядущей катастрофы материнские старики «[...] все тянули, не трогались, как перед смертью стараясь надышаться родным воздухом» (102). Исползованная поговорка «Перед смертью не надышишься» имеет значение ‚В последний момент не успеешь сделать того, что не было сделано раньше, за более продолжительное время‘ (СРПИП), но в данном случае она наполняется вполне конкретным смыслом, так как старожилы Матеры на самом деле медлят с переездом в поселок, пытаются отсрочить момент расставания с родным домом, деревней, островом.

В большинстве своем они осознают, что времени жить им отпущено уже не так много и этот факт довольно часто констатируется различными героями повести. Так, Дарья в разговоре с Богодулом признается в желании поскорей умереть, до затопления деревни, чтобы упокоиться рядом со своими близкими. Более того, она предчувствует свою близкую кончину: «Мне бы поране собраться, я давно уж нетутошня... я тамошня, того свету. И давно навроде не по-своему, по-чужому живу» (116). Ключевым для толкования речи героини является фразеологизм «тот свет», т. е. ‚загробный мир как противопоставление земному миру, жизни‘ (ФСРЯ), благодаря которому все высказывание приобретает танатологический смысл. В этом контексте глагол «собраться» следует толковать как ‚умереть‘, прилагательные «нетутошня», «тамошня», как ‚принадлежащая потустороннему миру‘, а бытующие в обиходе выражения «жить не по-своему», «жить по-чужому» — ‚находиться в состоянии близким к смерти‘, причем последние можно в данном случае толковать расширительно как потерю своего пути, предназначения, а соответственно и смысла настоящей и будущей жизни. Похожий смысл включает в себе индивидуально-авторский фразеологизм «жить не своим ходом» в реплике Катерины: «Мы уж тепери так и так не своим ходом живем. Тащит. Куды затащит, так и ладно» (161), подразумевающий как логичность наступления смерти, так и утрату возможности дальше распорядиться собственной жизнью. Следует отметить, что в русском языке существует устойчивое выражение «своим ходом», которое, возможно, легло в основу распутинского окказионального фразеологизма. Поскольку, однако, оно употреб-

ляется преимущественно в отношении передвижения (в основном, в значении ‚пешком‘ или ‚собственным транспортом‘, БТС), то оба словосочетания весьма далеки друг от друга по своей семантике.

В молитве на кладбище Дарья просит у Бога смерти: «Худо мне. А уйти ты не даешь. Я же не по земле хожу и не по небу, а как подвешенная меж небом и землей, все вижу, а понять, че к чему, не умею» (202). Библиизм «между небом и землей» имеет, помимо буквального — ‚в воздухе‘, еще два значения: 1) ‚шаткое, неустойчивое, неопределенное положение‘, 2) ‚без жилья, без крова, бес пристанища‘ (КСБФ). В ситуации, в которой оказалась распутиная героиня, оба эти значения вполне применимы. Однако, на наш взгляд, в данном случае смысловое содержание библейского фразеологизма расширяется, подразумевая также странствия души, покидающей тело перед смертью, ибо глагол «уйти» в начале фразы являет собой усечение фразеологизма «уйти из жизни» или синонимичного ему «уйти в лучший мир», т. е. ‚умереть‘.

Ожидание скорой смерти выражено самой Дарьей и в шутливой поговорке «До смертинки три пердинки» (176), которую она использует для характеристики своего преклонного возраста в разговоре с сыном Павлом и внуком Андреем. Эта поговорка выступает в качестве синонима к прилагательным «старый, престарелый» (ССТ), а в тексте повести определяется повествователем как «легкое и озорное упоминание о смерти» (176). Павел же, в разговорах с самим собой о своем и о мамином возрасте, констатирует: «Но мать-то свой век отжила, а тебе еще жить и работать» (155). Словосочетание «отжить свой век (свое время)» также имеет значение ‚приблизиться к концу своей жизни; стать старым‘ (БТС). В свою очередь, Клавка Стригунова, споря с Дарьей, ставит ей в укор излишнюю заботу о себе, привязанность к старине и непонимание перемен: «Сами на ладан дышите и житье по себе выбираете» (182). В ее упреке также прямо указывается на близкое к смерти состояние Дарьи, так как фразеологический оборот «дышать на ладан» в отношении человека используется в значении ‚быть близким к смерти (об умирающем, тяжелобольном или очень дряхлом человеке)‘ (РФ).

Кроме главной героини, в повести изображены и другие материнские старухи. Совершая поход по деревне, Хозяин острова размышляет о Катерине и ее бестолковом сыне Петрухе. Предчувствуя неладное⁴, Хозяин находит утешение именно в скорой смерти героини, которая положит конец ее страданиям и мытарствам: «Одна утеха, что годы твои на исходе» (134) — обращается он мысленно к Катерине. Выражение «на исходе» обозначает ‚в конце чего-л.‘ (БТС), таким образом, все авторское словосочетание можно истолковать в значении ‚в конце жизни‘, которая неотвратимо заканчивается, утекает. В свою очередь, Дарья в разговоре с Катериной, заботящейся

⁴ Петруха лично сожжет свою избу ради обещанного вознаграждения.

лишь о сыне и пытающейся найти объяснение и оправдание его бесчестному поступку, упрекает ее: «Дак ты тоже не из могилы это говоришь. Тебе тоже доживать как-то надо» (161). Глагол «доживать» имеет значение ‚оканчивать свою жизнь, свое существование‘ (БТС) и указывает на преклонный возраст Катерины, равно как и индивидуально-авторский фразеологизм «говорить из могилы», соотносящийся по смыслу со многими в русском языке фразеологическими единицами с компонентом «могила»: «стоять одной ногой в могиле», «смотреть в могилу» — ‚доживать свою жизнь, быть близким к смерти‘ (ФСРЯ), «на краю могилы» — ‚в состоянии близком к смерти‘ (ФСРЯ), «за могилой» — в потустороннем мире (ФСРЯ) и др. Смысл сказанного в том, что человек имеет право достойно прожить оставшееся у него время.

Говоря о старожилах Матеры, следует также упомянуть Настасью и ее мужа Егора. Старушка Настасья, похоронившая четверых детей, к старости начала страдать странным недугом — стала придумывать всякие небылицы о своем старике, напр.: «Егор-то... едва нонче не помер. У старого ума нету, взял сколупнул бородавку и весь кровью изошел. Целый таз кровушки. [...] Едва дышит» (102). Фразеологизм «еле (едва) дышать», обозначающий ‚с трудом жить, влачить жалкое существование‘ (ФСРЯ), в данном случае не отображает фактического состояния героя, а является лишь результатом больного воображения его жены. Поэтому, когда Настасья рассказывает о последних днях жизни мужа, проведенных им уже в новом поселке, не все доверяют ей. По словам героини, он до конца не мог привыкнуть к новому месту: «Он под послед совсем заговариваться стал. [...] На глазах погасал. [...] Я ж не слепая, вижу, что тает он. Он никак не открывался, до последнего часу ерепенился» (243). Выражение «под послед» не фиксируется ни в одном из доступных автору статьи лексикографических источников, однако, контекст подсказывает его семантику, соотносящуюся с лексемами «последний», «напоследок». Таким образом, его можно признать синонимом устойчивого выражения «под конец», т. е. ‚ближе к концу, в конце, в завершение чего-то‘ (ТСРЯ). В данном случае — в завершение жизни. На такое толкование выражения «под послед» наводит также используемый далее фразеологизм «последний час», имеющий два значения: 1) ‚время непосредственно перед кончиной‘ и 2) ‚смерть, кончина‘ (РФ). Фразеологизм «на глазах» — ‚так, что видно, заметно, известно и т. п. кому-л.‘ (ФСРЯ) объединен в одну фразу с глаголом «погасать», который в отношении человека имеет значение ‚становиться вялым, безразличным‘. С ним соотносится глагол «таять» — ‚худеть, чахнуть от болезни, горя‘ (БТС). Таким образом, в процитированном фрагменте мы имеем дело со взаимодействием нескольких средств речевой выразительности, в их числе фразеологические обороты, переносное употребление глаголов, диалектная лексика, которые в целом придают описанию предсмертного периода особую выразительность и эмоциональность.

Сама же Настасья, оставшаяся одна в городе, жалуется на свою судьбу при встрече с материнцами: «Как святая сделалась. В чем душа держится» (247). В сравнении содержится намек на некий аскетический образ жизни героини, приведший к истощению ее организма. В этом плане сравнение «как святая сделалась» мысленно отсылает к фразеологическому обороту «сидеть на пище святого Антония», т. е. «жить впроголодь» (ФСРЯ). Эта характеристика усиливается за счет фразеологизма «в чем (только) душа держится», применяемого к человеку в значении «хилый, слабый, едва живой» (ФСРЯ). Как следует из текста, неадекватное питание Настасьи вызвано, с одной стороны, ее равнодушием к жизни, охватившем ее после смерти мужа, с другой — тяжелым материальным положением: «За фатеру ондай, за огонь ондай. Может, ниче, я теперь уж много не ем. Не надо стало. Совсем ниче не надо стало. Другой раз крошки в рот забуду, не возьму, и он не попросит» (247).

Как известно, значительная часть выразительных средств языка обязана своим происхождением народным изречениям. В пословицах, поговорках, в застывших метафорах и сравнениях, во фразеологии отражен опыт, накопленный поколениями людей. При этом отражение народного восприятия мироздания или же осмысление отдельных фактов действительности благодаря средствам речевой выразительности наполняются особой образностью и экспрессивностью. Валентин Распутин является одним из тех писателей, которые в своем творчестве постоянно обращаются к фразеологическому и паремиологическому богатству русского языка. Как справедливо отмечает Н. Тендитник: «В творчестве В. Распутина и осуществилось самое важное в процессе возвращения литературе подлинного народного языка: слияние народности мышления с народным способом выражать шутку, горечь, радость, ликование»⁵.

На примере повести *Прощание с Матерой* можно убедиться, что фразеологические единицы и паремии, а также их трансформации и другие средства выразительности речи прочно вошли в систему художественных приемов писателя. Наряду с диалектной лексикой, разговорными и просторечными оборотами, они служат главным образом средством речевой характеристики героев, подчеркивая их близость к древнему народному этносу и глубинным душевным традициям, образовавшимся в нем. В проанализированном материале мы сосредоточили свое внимание лишь на тех образных средствах, которые характеризуют отношение к смерти и ее восприятие героями произведения. Ими насыщены в особенности речи Дарьи, Катерины и других материнских старух. Эти художественные приемы являются важнейшей составляющей речи персонажей и призваны, главным образом, для создания досто-

⁵ TENDITNIK, N. S.: *Otkrytoje slovo pisatelja*. In: Tenditnik, N. S.: *Ènergija pisatel'skogo serdca*. Irkutsk 1988, s. 184.

верных художественных образов и передачи отношения героев к окружающей действительности, в особенности — к происходящим на их глазах трагическим событиям, а также для усиления языкового впечатления, выразительности речи в воссоздании чувств, эмоций, опасений и тревог старожилы Матеры, вместе со своей землей обреченных на физическую или душевную смерть.

Aleksandra Urban-Podolan

University of Zielona Góra, Institute of Modern Languages Studies,

Division of East Slavic Literatures, Zielona Góra, Poland

olaup@rambler.ru